

Сперанскій въ Великопольѣ и Пензѣ.

(Изъ бумагъ академика А. Θ. Бычкова).

Въ петербургской администраціи, ко времени пріѣзда Сперанскаго въ Великополье (въ концѣ 1814 г.), сверхъ перемѣнъ, происшедшихъ съ главными врагами бывшаго государственнаго секретаря¹⁾, перемѣнилось и многое другое,—читаемъ въ дополнительныхъ замѣткахъ къ «Жизни графа Сперанскаго».—Въ Государственномъ Совѣтѣ и Комитетѣ министровъ, при полумертвомъ князѣ Николаѣ Ивановичѣ Салтыковѣ, заступившемъ мѣсто графа Румянцова, всѣмъ распоряжался бывший нѣкогда сослуживцемъ Сперанскаго, а потомъ оберъ-прокуроромъ въ Сенатѣ, Петръ Степановичъ Молчановъ. Отецъ его управлялъ гдѣ-то имѣніемъ князя Куракина и записалъ сына въ его генераль-прокурорскую канцелярію. Мальчикъ удался; онъ отличался не одними дѣловыми знаніями, но и большимъ просвѣщеніемъ и свѣтскою любезностію, а, наконецъ, приобрѣлъ и большое состояніе, женившись на дочери богатаго сенатора Ивана Ивановича Кушелева, родной племянницѣ и одной изъ наслѣдницъ екатерининскаго фаворита Ланскаго²⁾. Въ описываемую эпоху, Молчановъ, при очень двусмысленной репутаціи касательно его

¹⁾ См. „Русскую Старину“ 1902 г., май, стр. 244—249.

²⁾ „Сіе приобрѣтенное имѣніе—пишетъ Вигель—началь онъ слишкомъ много и скоро умножать благоприобрѣтеннымъ, безпрестанно строилъ огромные дома, покупалъ деревни, и тѣмъ возбудилъ завистливое вниманіе петербургской публики. Несмотря на то, вся она бросилась на славные балы, которые началъ онъ давать“ (Записки Вигеля, часть IV, Москва. 1892, стр. 130).

*

правиль, былъ одновременно сенаторомъ, статсъ-секретаремъ въ Комиссіи прошеній и управляющимъ дѣлами Комитета министровъ; сверхъ того, Салтыковъ ничего не дѣлалъ безъ него, при бездарномъ Оленинѣ, и по Государственному Совѣту. Около этого же времени министр юстиціи И. И. Дмитріевъ, по какимъ-то неудовольствіямъ съ тѣмъ же Молчановымъ, вышелъ въ отставку, и Салтыковъ, или, лучше сказать, опять-таки тотъ же Молчановъ, вспомнилъ о старинномъ коноводѣ подъяческой партіи, Трощинскомъ ¹⁾, который, живя въ полтавскихъ своихъ имѣніяхъ, былъ тамъ, по выбору дворянства, губернскимъ предводителемъ.

Александръ, несмотря на прежнія свои предубѣжденія противъ этого старика, согласился замѣстить имъ Дмитріева. Указъ о назначеніи Трощинскаго министромъ юстиціи былъ подписанъ 30-го августа 1814 г., т. е. наканунѣ дня, когда прежнему его подчиненному объявлено было позволеніе переѣхать изъ Перми въ Великополье. Но Трощинскій питалъ къ Сперанскому уже не прежнія чувства. И новый министр юстиціи, и другіе враги Сперанскаго, которыхъ оставалось еще немало, боялись, что переводъ его въ деревню, по близости къ столицѣ, есть только первый шагъ, за которымъ вскорѣ послѣдуетъ полное возвращеніе милости. Въ то именно время соображались въ Петербургѣ мѣры къ исправленію указа 1809 года объ испытаніяхъ на гражданскіе чины. Отмѣны его всёхъ настоятельнѣе требовалъ Трощинскій, который, изливаясь въ горькихъ порицаніяхъ прежняго любимца государева, обнаружилъ, при этомъ, и внутреннее свое безпокойство. «Тотъ,—говорилъ онъ гласно въ Комитетѣ—кто виновникъ этого несчастнаго указа, приѣхалъ уже въ Новгородъ; вѣроятно, онъ скоро будетъ и сюда ²⁾». Такого же мнѣнія была и большая часть петербургской публики ³⁾. Но, вопреки этимъ предположеніямъ, Сперанскому суждено было провести въ Великопольѣ почти два года.

Чѣмъ далѣе подвигалось впередъ время, тѣмъ болѣе терзали Сперанскаго продолжавшіяся подозрѣнія публики, какъ бы оправдываемыя долговременностію самой ссылки; терзало, вѣроятно, отсутствіе государственной дѣятельности послѣ прежняго огромнаго поприща; терзали, наконецъ, и помыслы честолюбія. Въ іюлѣ 1816 года онъ отправилъ, черезъ Аракчеева, къ императору Александру письмо, въ которомъ

¹⁾ Записки барона Г. А. Розенкампа.

²⁾ Письмо П. Г. Масальскаго, отъ 19-го ноября 1814 г., на основаніи разсказа графа В. П. Кочубея (см. „Дружескія письма М. М. Сперанскаго къ П. Г. Масальскому“, Спб. 1862 г., стр. 54).

³⁾ Записки Л. И. Голеннищева-Кутузова.

именемъ правосудія и милости умоляя государя обратить вниманіе на судьбу его ¹⁾).

Но, вѣроятно, еще прежде того, Сперанскій пытался доставить государю это самое или подобное по содержанию письмо черезъ графа В. П. Кочубея. По крайней мѣрѣ, сохранился нижеслѣдующій отвѣтъ послѣдняго (отъ 27-го іюля 1816 года), потерявшаго въ то время сына и отправлявшагося на два года въ заграничный отпускъ:

«При самомъ отъѣздѣ моемъ пишу я къ вамъ, милостивый государь мой Михайло Михайловичъ, и, дѣйствительно, едва успѣваю только написать нѣсколько строкъ, столь измученъ я распоряженіями и приутовленіями къ дальнему пути, предпринимаемому мною послѣ постигшаго меня самаго жестокаго несчастія. Я не имѣю нужды удостовѣрять васъ, сколь искренне участіе принималъ я въ положеніи вашемъ и сколь сокрушенъ былъ случившимся съ вами. Вы въ семъ не можете имѣть никакого сомнѣнія, зная чувства мои и сколь искренно всегда отдавалъ я справедливость и дарованіямъ вашимъ, и свойствамъ вашей души. Посему легко вы себѣ представить можете, что всякій подвигъ, какой бы я могъ сдѣлать въ вашу пользу, былъ бы для меня чрезвычайно пріятенъ, но я, по несчастію, никогда не имѣлъ къ тому случаяю. Со мною ни одинъ разъ и слова не было молвлено о васъ, да, правду сказать, и вообще я никогда не имѣлъ случая и ни о чемъ говорить; все то, что до меня относилось, состояло въ однихъ учтивствахъ; впрочемъ, я совершенно былъ удаленъ и отъ всякаго участія въ дѣлахъ, исключая гнилаго комитета ²⁾), въ коемъ первостатейный воръ Молчановъ ³⁾), подъ прикрытіемъ фельдмаршала князя Салтыкова и ничтожныхъ другихъ людей, дѣлалъ все, что хотѣлъ. Нынѣ, послѣ смерти сына моего, осыпанъ я былъ милостіями, коихъ я и забыть не могу, а по обращенію со мною, вѣроятно, и могъ бы я представить письмо ваше; но г. Цейеръ ⁴⁾ пріѣхалъ ⁵⁾), какъ я уже простился и, слѣдовательно, какъ я уже не имѣлъ никакого средства къ свиданію. Я предлагалъ ему при письмѣ моемъ отправить ваше, но онъ нашелъ сіе неудобнымъ, и я думаю, что онъ довольно основательно судилъ. Вы представить себѣ не можете, сколько бы я былъ счастливъ участіемъ въ перемѣнѣ положенія вашего. Независимо отъ личныхъ, къ вамъ относящихся уваженій, я бы радъ былъ паче мѣры для дѣлъ возвращенію вашему. Скудость въ людяхъ чрезмѣрная, и мы угрожаемся многими нецѣпостями со стороны тѣхъ, кои нынѣ разными частями управляютъ. Акты ихъ

¹⁾ См. „Жизнь графа Сперанскаго“, т. II, стр. 106—110.

²⁾ Комитета министровъ.

³⁾ Управлявшій дѣлами Комитета министровъ.

⁴⁾ Францъ Ивановичъ Цейеръ, служившій при Сперанскомъ.

⁵⁾ Съ письмомъ Сперанскаго изъ Великополя.

не имѣютъ и первыхъ основаній школьныхъ, а о грамматикѣ и говорить нечего. Вы, можетъ быть, хотѣли бы знать мысли мои о томъ, могутъ ли имѣть успѣхъ настояція ваши отношенія? По мнѣнію моему, это зависитъ все отъ минуты, и никто напередъ ни за успѣхъ, ни за неудачу ручаться не можетъ. Непрiятелей вы имѣете кучу. Всѣ они боятся потерять, при ничтожествѣ своемъ, тотъ странный вѣсъ, который нынѣ по мѣстамъ своимъ имѣютъ. Они боятся видѣть въ дѣлахъ кого бы то ни было съ нѣкоторыми дарованіями, а изъ сего интриги, движенія, внушенія и пр. партій, кои всегда при дворѣ существуютъ и теперь дѣйствуютъ. Изъ числа людей, кои вамъ добра не желаютъ, Гурьевъ имѣетъ теперь большое вліяніе. Я сего никогда не пойму, послѣ того, что отъ самого государя о немъ я слышалъ. Тактику имѣетъ онъ особенную, которая ему довольно удается. Меня увѣряли, что онъ жалуется на графа Аракчеева, точно такъ, какъ прежде жаловался онъ на Васильева, на Новосилцова, на васъ, на князя Салтыкова, на Тропинскаго. Графъ Аракчеевъ имѣетъ, сколько судить могу, дѣйствительно весьма хорошія намѣренія, но жаль, что иногда не умѣетъ онъ разбирать людей, такъ, какъ и вы разбирать ихъ не умѣли; на примѣръ, нынѣ, какъ слышу я, Оленинъ подлостями своими успѣлъ найти въ немъ ¹⁾, а вы, думаю, наконецъ, узнали Оленина и способности его. Я ѣду на два года, а можетъ быть и на долѣе, располагаясь изъ чужихъ краевъ пробраться въ деревни мои. Государь изъявлялъ мнѣ сожалѣніе, что удаляюсь я въ такое время, когда могъ бы я для дѣлъ внутреннихъ быть полезенъ, ибо намѣреніе его есть на оныя обратить непремѣнно вниманіе свое. Прощайте. Лошади мои уже приведены, и чрезъ полчаса не буду я въ Петербургѣ. Вѣрьте, что я искрѣннѣйшее приѣмлю участіе во всемъ томъ, что до васъ касается, и что я всегда пребуду душевно вамъ преданнымъ».

Аракчеевъ, къ посредничеству котораго обратился Сперанскій, былъ, въ эту эпоху, уже могущественнымъ временщикомъ. На страницахъ 111—117 втораго тома «Жизни графа Сперанскаго» былъ данъ очеркъ характеристики Аракчеева. Въ дополненіе къ ней вотъ еще нѣкоторые другіе черты и анекдоты, заимствованныя изъ Записокъ статсъ-секретаря Марченка ²⁾.

При назначеніи Аракчеева военнымъ министромъ (въ 1808 г.) и первомъ приѣмѣ имъ, въ этомъ званіи, чиновниковъ новаго своего вѣдомства, онъ сказалъ имъ: «Я грамотѣ мало знаю. За мое воспитаніе батюшка заплатилъ 4 рубля мѣдью. Я долго уклонялся брать настоящее мѣсто,

¹⁾ Въ подлинникѣ, очевидно пропущено слово; вѣроятно: „покровителя“.

²⁾ См. „Русскую Старину“ 1896 г., т. 85, стр. 480, 481, 488, 490 и 491.

во государю угодно было непремѣнно меня опредѣлить. Мнѣ ничего не надо, а будетъ у насъ дѣло хорошо идти, вамъ вся награда».

Правило Аракчеева было: «Все гибни, лишь бы мнѣ блестятъ».

На одномъ сенатскомъ указѣ о производствѣ чиновниковъ за выслугу лѣтъ, онъ написалъ, обращая его въ свою канцелярію: «Поздравляю, чиновъ прибавилось, да прибавятся ли ума и способности!»¹⁾ Онъ сажалъ въ крѣпость безъ доклада государю и рвалъ именныя указы, продержавъ ихъ нѣсколько лѣтъ безъ исполненія.

Аракчеевъ стоялъ такъ высоко въ царской милости отъ того, что никогда не хотѣлъ принять ни фельдмаршальскаго сана, ни Андреевскаго ордена, а съ пожалованнаго ему портрета государева возвратилъ назадъ брильянты. Онъ не хотѣлъ быть ни съ кѣмъ равенъ.

А вотъ вѣсти и изъ противнаго лагеря, именно изъ Записокъ юрьевскаго архимандрита Фотія, который душою былъ преданъ Аракчееву и самъ имѣлъ надъ нимъ нѣкоторую власть: «О графѣ Аракчеевъ кратко сказать можно то одно, что онъ, по примѣру своихъ предковъ, былъ преданъ царю, церкви и отечеству: слово царево для него было законъ. Царь Александръ изъ всѣхъ своихъ подданныхъ никого болѣе не любилъ, какъ графа Аракчеева, никто справедливѣе, точнѣе не исполнялъ царскихъ велѣній, какъ Аракчеевъ; ему одному всѣ дѣла государственныя, тайны сердца царскаго были болѣе откровенны и извѣстны, а по-сему самая императорская канцелярія съ тайными дѣлами вся была въ рукахъ его, всѣ дѣла о церкви и вѣрѣ въ сіе время ему же тайно ввѣряемы были дѣйствовать».

Замѣчательнѣе еще слѣдующій рассказъ объ Аракчеевъ въ Запискахъ графа Евграфа Ѳедотовича Комаровскаго, находившагося въ свитѣ государевой въ началѣ кампаніи 1812 года. Когда Шишковъ и Балашовъ представляли Аракчееву, что государю необходимо бы оставить армію и ѣхать въ Москву, и что въ этомъ только средство спасти отечество, Аракчеевъ возразилъ: «Что мнѣ до отечества, скажите мнѣ, не въ опасности ли государь, оставаясь долѣе при арміи?». Они ему отвѣчали, что, конечно, такъ, ибо если Наполеонъ атакуетъ нашу армію и разобьетъ ее, что тогда будетъ съ государемъ? А если разобьетъ Барклая, то бѣда еще не велика. Это заставило Аракчеева идти къ государю и упросить его на отъѣздъ изъ арміи. «Можно ска-

¹⁾ Въ pendant къ этому—пишетъ баронъ М. А. Корфъ—мы слышали изъ другаго источника еще слѣдующій анекдотъ. Разсердясь какъ-то на своего начальника штаба П. А. Клейнмихеля, онъ сказалъ ему при всѣхъ: „То-то, и сюда-то я тебѣ далъ, и сюда (указывая на обѣ стороны его груди, т. е. на Владимірскую и Аннинскую звѣзды), а сюда (указывая на голову) уже ничего не могъ дать“.

зать,—прибавляетъ Комаровскій—что душа и чувства графа Аракчеева совершенно царедворца: онъ чужды любви къ отечеству» ¹⁾.

30-го августа 1816 года послѣдовалъ извѣстный указъ, коимъ Сперанскому повелѣвалось быть пензенскимъ гражданскимъ губернаторомъ ²⁾.

Если оглянуть однимъ общимъ взглядомъ переходы въ опалѣ Сперанскаго и фазы тогдашнихъ событій,—замѣчаетъ по поводу этого указа баронъ Корфъ въ дополнительныхъ замѣткахъ къ «Жизни графа Сперанскаго»—то нельзя не подмѣтить опять и здѣсь такого совпаденія эпохъ, которымъ снова подтверждается мысль, что его низверженіе было преимущественно—жертвою народному мнѣнію, или по крайней мѣрѣ мнѣнію тѣхъ классовъ, которые, въ то время, имѣли у насъ какое-нибудь мнѣніе. Пока грозныя опасности войны, рѣшавшей вопросъ быть или не быть Россіи, настоятельно требовали угожденія волѣ и мыслямъ общественнымъ (1812—1814 гг.), Сперанскій, какъ изверженный парія, томился въ заточеніи на рубежѣ Европы. Потомъ, когда военныя бури уюмкли, но въ умахъ еще отзывался ихъ гулъ и внѣшнія опасенія не совсѣмъ еще прекратились (1814—1816 гг.), несчастный изгнанникъ, хотя и былъ возвращенъ въ составъ гражданского общества, даже въ близость столицы, но еще не признавался достойнымъ быть снова допущеннымъ къ государственной дѣятельности; наконецъ, когда миновала надобность привязывать къ себѣ и, такъ сказать, обольщать народъ угодливостію его желаніямъ; когда правительство стало опять болѣе или менѣе равнодушнымъ къ общему мнѣнію; когда главные враги прежняго временщика исчезли съ поприща и все опять возвратилось въ обычную колею, тогда вдругъ, какъ бы какимъ-то чудомъ, всѣ причины къ подозрѣніямъ отпали, и Сперанскій, свергнутый безъ обвиненія и восстановленный безъ оправданія, явился снова «способнымъ и достойнымъ» къ продолженію службы! Послѣ этого не позволено ли прямо сказать, что «внимательное и строгое разсмотрѣніе», о которомъ говорилъ указъ, заключалось въ одной лишь перемѣнѣ внѣшнихъ обстоятельствъ.

Но почему въ указѣ было такое странное, явно бросающееся въ глаза противорѣчіе? Если не оказывалось не только вины, но даже и убѣдительныхъ причинъ къ подозрѣніямъ, то почему тѣ лица, которыя прежде ихъ на себя навлекали, не были торжественно очищены, не были восстановлены въ прежнее, или соотвѣтственномъ ему достоинствѣ? Почему, напротивъ, требовалось дальнѣйшее еще

¹⁾ См. „Историческій Вѣстникъ“ 1897 г., т. 70, стр. 60.

²⁾ См. „Жизнь графа Сперанскаго“, т. II, стр. 119.

очищеніе и, въ видѣ способа къ тому, государственный секретарь низводился на степень губернатора, а статсъ-секретарь ¹⁾ — на степень вице-губернатора?—Потому, думаемъ мы, что Александръ чувствовалъ свою вину и не находилъ въ себѣ довольно твердости, можетъ быть и довольно великодушнаго самоотверженія, чтобы исполнѣе ее провозгласить и загладить; потому что, сдѣлавъ послѣднее, онъ какъ бы всенародно сознался въ пожертвованіи невиннымъ человѣкомъ единственно съ цѣлью уловить умы.

Аракчеевъ, пересылая Сперанскому копию съ указа о назначеніи его пензенскимъ губернаторомъ, такъ заключилъ свое препроводительное письмо: «Государю императору пріятно будетъ, если вы, милостивый государь, отправитесь изъ деревни прямо въ назначенную вамъ губернію». Александръ—замѣчаетъ по этому поводу Корфъ,—видно, еще страшился очной ставки съ тѣмъ, который такъ недавно, изъ ссылки и униженія, призывалъ его «на судъ передъ Богомъ, въ вѣчной Его правдѣ!» (Пермское письмо). Не Аракчееву было противорѣчить въ томъ государю!

Въ Пензу Сперанскій прибылъ 20-го октября 1816 года.

Приводимъ нѣсколько любопытныхъ писемъ, полученныхъ Сперанскимъ по случаю назначенія его пензенскимъ губернаторомъ.

1. Отъ министра юстиціи Д. П. Троицкаго, отъ 16-го октября 1816 года.

Милостивый государь мой Михайло Михайловичъ. Получивъ почтенное письмо вашего превосходительства съ извѣщеніемъ объ отправленіи вашемъ къ должности, высочайше вамъ вѣренной, и благодаря васъ за оное, я съ удовольствіемъ пріемлю сей случай для принесенія вамъ, милостивый государь мой, искренняго привѣтствія со вступленіемъ вновь на путь государственнаго служенія, на которомъ извѣстные достоинства ваши, конечно, возвратятъ вамъ въ полной мѣрѣ довѣренность монарха.

Вѣрите ваше превосходительство, что я никогда не увлекался никакими на счетъ вашъ толками, которыхъ, впрочемъ, человѣку, хотя нѣсколько отдѣляющемуся отъ круга людей обыкновенныхъ, избѣжать почти невозможно; но, зная васъ лучше другихъ, сохранялъ всегда неизмѣнное къ вамъ уваженіе, и по сему чувствованію пріятно мнѣ возобновить съ вами сношенія, какъ по службѣ, такъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, гдѣ могу удостовѣрить васъ въ отличномъ почтеніи и совершенной преданности.

¹⁾ Магницкій тѣмъ же указомъ 30-го августа 1816 года былъ назначенъ воронежскимъ вице-губернаторомъ.

2. Отъ князя Александра Борисовича Куракина, отъ 23-го ноября 1816 года, изъ Петербурга.

Милостивый государь мой Михайло Михайловичъ. Какъ скоро узналъ я объ опредѣленіи вашего превосходительства къ управленію Пензенскою губерніею, къ которой принадлежу моимъ кореннымъ помѣстіемъ и многими пріятными воспоминаніями свободнаго, безмятежнаго времени жизни моей, и радовавшись, что тѣмъ возвращенъ вамъ способъ быть паки трудолюбіемъ и дарованіями вашими отечеству полезнымъ, поспѣшилъ я изъявить вамъ, нарочнымъ моимъ письмомъ, мое искреннее въ томъ участіе и послалъ сіе письмо къ управляющему моими городищенскими деревнями, титулярному совѣтнику Колоколову для собственноручнаго врученія вамъ онаго по пріѣздѣ вашемъ въ Пензу, и его самого, какъ и вѣранныя ему дѣла мои осмѣлился тогда въ особливое покровительство ваше препоручить. О немъ и о производимыхъ имъ дѣлахъ моихъ симъ паки принесенную вамъ просьбу мою возобновляю. Съ удивленіемъ вижу, что Колоколовъ, не поспѣша въ Пензу явиться при первомъ извѣстіи о вашемъ туды прібытіи для доставленія вамъ лично вышепомянутаго письма моего, оное исполнить до установленія лутчей дороги отложилъ. О семъ много скорблю, ибо чрезъ то оцѣнить могли бы вы первое движеніе души моей при перемѣнѣ вашего положенія! Но тѣмъ живѣе было мое удовольствіе получить сегодня письмо ваше, коимъ вы равномерно изъ собственнаго же побужденія меня отъ 7-го текущаго удостоили. Пріймите за оное и за всѣ изъявленія памяти и дружбы вашей чувствительную благодарность мою.

О случившейся съ вами неожиданности, во время еще бытія моего въ Парижѣ, никто, конечно, болѣе меня не сожалѣлъ, и никогда не отдѣлялъ я отъ васъ той совершенной, уважительной довѣренности, къ которой вы столько лѣтъ обращеніемъ со мною и отличностію способностей вашихъ меня пріучили. Сему вѣрьте, милостивый государь мой, какъ и тѣмъ чувствамъ непоколебимаго почтенія и древней преданности, съ коими быть никогда не переставалъ вашего превосходительства покорнѣйшій слуга князь Александръ Куракинъ.

3. Отъ бывшаго до 1810 г. государственнымъ казначеемъ Ѳ. А. Голубцова, отъ 5-го декабря 1816 г.

Съ особеннымъ удовольствіемъ получилъ я дружеское письмо ваше отъ 14 ноября, за которое и принятіе подъ покровъ вашъ управителя деревень моихъ, чувствительнѣйше васъ благодарю. Такъ, точно, милостивый государь мой Михайло Михайловичъ, я препровождаю жизнь спокойную и безмятежную, и если бѣ иногда болѣзненные мои припадки, проистекающіе отъ долговременной и тяжкой службы, не тревожили меня, былъ бы еще покойнѣе. Я хочу открыть вамъ душу и надѣюсь,

что вы мое чистосердечіе примете съ доброй стороны. Въ первой годѣ моей отставки винилъ я въ душѣ моей Михайла Михайловича ¹⁾; но по прошествіи года, когда чадъ изъ головы вышелъ, когда мракъ, отягчавшій мои мысли, исчезъ, тогда не только не винилъ, но благодарилъ Михайлу Михайловича. При всегдашней моей ретивости и заботливости къ дѣламъ и по чувствительному моему характеру, не знаю, что бы со мною случилось; думаю, что меня бы на свѣтѣ не было. Благодареніе Всевышнему Создателю за спасеніе меня. Мнѣ теперь 58-й годъ, подвигаюсь къ 60 годамъ, тѣмъ лѣтамъ, въ которыя должно обращать мысли болѣе къ вѣчности, нежели къ мірскимъ суетамъ. Меня теперь утѣшаютъ священныя книги, которыми занимаюсь.

Но вамъ, другъ мой Михайло Михайловичъ, рано помышлять о томъ: вы въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ; Богъ наградилъ васъ отличными дарованіями и способностями; несчастіе васъ научило, и вы должны служить государю и отечеству. Вамъ ввѣрена судьба восьмисотъ тысячъ жителей мужскаго и женскаго пола, не считая дворянства и купечества; старайтесь приобрести довѣріе дворянъ: они всегда умѣли и умѣютъ цѣнить заслуги и дарованія. Обратите ваше вниманіе на казенныхъ крестьянъ; будьте имъ отцомъ и защитникомъ: они будутъ васъ благословлять, и имя ваше останется у нихъ незабвеннымъ; сему есть многіе примѣры: Оренбургъ никогда не забудетъ Ивана Ивановича Неплюева, Тобольскъ всегда будетъ имѣть въ твердой памяти Дениса Ивановича Чичерина, а Саратовъ вѣчно будетъ помнить Василя Сергѣевича Ланскаго. Вы можете, другъ мой Михайло Михайловичъ, добрымъ управленіемъ отличить себя и сдѣлаться достойнымъ милостей государя; и тогда прѣвзжайте къ намъ на дальнѣйшее поприще, чтобъ быть полезнымъ для цѣлаго государственнаго состава, ибо несчастіе болѣею частію утверждаетъ добрыя правила, чтó испыталъ я надъ собою, и доставляетъ государству полезныхъ членовъ. Фельдмаршалъ Минихъ гораздо полезнѣе былъ послѣ своего несчастія, нежели тогда, когда онъ въ счастья утопалъ. Я васъ замучилъ пространнимъ письмомъ, но простите мою болтливость: она происходитъ отъ искренняго сердца. Я скажу вамъ еще, что умная и почтенная графиня Шувалова, которая давно въ Римѣ находилась, скончалась; я сообщая объ ономъ для того, что вы всегда почитали и уважали графиню. Вѣрный вашъ слуга Федоръ Голубцовъ.

4. Отъ него же, отъ 21-го февраля 1817 г.

Благодарю васъ, Михайло Михайловичъ, за дружеское письмо отъ 23 генваря, благодарю чувствительно васъ за то, что вы меня изба-

¹⁾ Дѣйствительно, Сперанскій былъ виновникомъ низверженія Голубцова и замѣщенія его Гурьевымъ: это не осталось тогда ни для кого тайною.

вяете отъ церемоніальныхъ сношеній, которыя всегда бываютъ мнѣ въ тягость.

Не только я не въ претензіи, но даже прошу васъ, чтобъ бѣдной и многосемейной вашъ родственникъ помѣщенъ былъ въ страпчіе, надѣясь на дружеское ваше общаніе, что по переводѣ его въ другое мѣсто Александровъ получить саранское мѣсто.

Всякой разъ, когда я услышу, что дворянство и всѣ весьма вами довольны въ Пензѣ, душевно тому радуюсь; я прежде увѣренъ былъ, что всѣ васъ полюбятъ.

Главные ваши непріатели: гр(афъ) Арм(фельдъ) и гр(афъ) Тол(стой) скончались; шуринъ сего послѣдняго, князь И(ванъ) И(вановичъ) Баря(тинскій), сказывалъ мнѣ, что онъ слышалъ отъ графа Толстаго, что вы никогда здѣсь не будете; я спрашивалъ причину и вину вашу; признаюсь, что сказанная имъ вина ваша не сообразна съ здравымъ разсудкомъ, и того, въ чемъ обвиняютъ васъ, не только не могло приходить вамъ на мысль, но даже полагаю, что во снѣ никогда не видали; словомъ, сіе совсѣмъ на васъ не похоже. Я думаю, что сіе не что иное, какъ вздоръ и зло изобрѣтенное.

Простите мнѣ, что я хочу опять подавать вамъ мои совѣты, но сіе происходитъ отъ искренней моей къ вамъ привязанности; я буду говорить примѣрами, на опытѣ мною дознанными. Старинные генералъ-губернаторы, то-есть нѣкоторые, благоразуміемъ своимъ успѣли отскатать къ себѣ любовь и привязанность отъ подчиненныхъ тѣмъ, что если кто изъ нихъ провинится, то они никогда публично не бранили и выговоровъ имъ не дѣлали, а, взявши въ кабинетъ, наединѣ наставляли, а иногда и добрую катку давали, но, вышедши изъ кабинета, ни малѣйшаго знаку о томъ не показывали и въ публикѣ обращались съ ними, какъ будто ничего не бывало. Послѣдуйте сему примѣру, и васъ будутъ бояться и любить.

Мой Платонъ Богдановичъ Огаревъ ⁴⁾, будучи молодъ, овдовѣлъ, имѣя за собою своихъ болѣе тысячи, да жениныхъ болѣе двухъ тысячъ душъ крестьянъ, да отъ тещи останется, сколько мнѣ извѣстно, болѣе тысячи душъ; онъ не веселаго нрава и нѣсколько гипохондрикъ, но чловѣкъ крайне честной и самыхъ добрыхъ правилъ. Полюбите и приласкайте его, только разбудите его изъ гипохондріи и заставьте его просто и откровенно съ вами обходиться; вы меня симъ чувствительно обяжете; мнѣ его жаль, что онъ, при своихъ молодыхъ лѣтахъ и при такомъ состояніи, углубился въ задумчивость. Будьте здоровы и не забывайте меня. Ф. Голубцовъ.

⁴⁾ Отецъ поэта Н. П. Огарева.

5. Отъ государственнаго контролера барона Б. Б. Кампенгаузена, отъ 2-го іюня 1817 года ¹⁾.

Въ первый разъ послѣ пятилѣтняго промежутка времени позволяю себѣ напомнить вамъ о себѣ. Я не замедлилъ бы воспользоваться этимъ удовольствіемъ, какъ только явилась возможность снова свободно переписываться съ вами, но страшныя боли, которыми я страдаю уже нѣсколько лѣтъ, этому препятствовали, боли, которыя лишили меня силъ тѣлесныхъ и душевныхъ. Прежде чѣмъ передавать вамъ о моихъ страданіяхъ, считаю необходимымъ выразить вамъ, на сколько меня трогали доходившія до меня, по временамъ, черезъ Цейера и Кремера, вѣсти о томъ, съ какою покорностію вы переносили всѣ бѣды и напасти, васъ постигшія! Терпѣнія для этого требовалось немало — я лично по себѣ это сужу, я, который съ покорностію несу крестъ, ниспосланный мнѣ Провидѣніемъ..... ²⁾.

Во время моей поѣздки по Крыму узналъ я въ Кафѣ о перемѣнѣ, происшедшей въ вашей судьбѣ, и такъ какъ я имѣлъ намѣреніе возвращаться черезъ Саратовъ, то я и льстилъ себя надеждою повидаться съ вами въ Пензѣ. Но Богъ судилъ иначе; послѣдніе два мѣсяца я очень былъ нездоровъ.....

Съ измозженнымъ тѣломъ и съ слабымъ здоровьемъ, какимъ пользуюсь я, нельзя быть увѣреннымъ за слѣдующій день и дѣлать планы на продолжительный срокъ. Это тѣмъ сильнѣе побуждаетъ меня напомнить вамъ о себѣ и выразить вамъ, что я навсегда сохраню глубокую признательность за ту дружбу, которую вы мнѣ оказывали въ то время, когда намъ приходилось часто видѣться. Мнѣ остается только пожелать вамъ, чтобы, по волѣ Провидѣнія, вы до конца жизни сохранили тѣ высокія свойства, которыя вы выказали въ постигшемъ васъ испытаніи, доказавъ ими на вашемъ примѣрѣ ту великую истину, что настоящее счастье заключается не внѣ насъ, а въ насъ самихъ.

Лѣтомъ 1817 года Сперанскій выписалъ въ Пензу и свою дочь. До ея пріѣзда онъ жилъ въ Пензѣ, по возможности, уединенно и чуждаясь свѣтскихъ развлеченій, въ свободные часы много ѣздивъ верхомъ, а остальное время проводилъ въ трехъ домахъ: Войцеховича, председателя тамошней гражданской палаты, Столыпинныхъ и Евреинныхъ, гдѣ мать семейства была тоже урожденная Столыпина. По пріѣздѣ дочери съ г-жею Вейкардтъ, домъ его нѣсколько оживился, и для молодой дѣвушки часто бывали маленькія собранія по вечерамъ; но большой ве-

¹⁾ Переводъ съ французскаго.

²⁾ Здѣсь и ниже пропускаются разныя подробности о здоровьи самого Кампенгаузена.

черъ съ ужиномъ и танцами, на которомъ была вся Пенза, онъ рѣшился дать, по усиленнымъ просьбамъ дочери и г-жи Вейкардтъ, только однажды, и именно 1-го января 1818 года, въ день своего рожденія. «Впрочемъ,—пишетъ Е. М. Фролова-Багрѣва въ своихъ воспоминаніяхъ—домъ нашъ въ Пензѣ батюшка устроилъ по всегдашнему своему вкусу, т. е. съ опрятностію, но и простотою совершенно квакерскою. Вся мебель, кромѣ находившейся въ моемъ флигелѣ, была мѣстнаго издѣлія и покрыта—китайкою. Образъ жизни нашъ очень походилъ на тотъ, который мы вели въ Петербургѣ до 1812 года: такіе же маленькіе обѣды, съ тѣмъ же числомъ и родомъ блюдъ; послѣ обѣда непременно домашняя музыка въ моемъ флигелѣ, съ пѣніемъ или безъ него, изрѣдка и нѣсколько постороннихъ любителей».

Между тѣмъ изъ тѣхъ же рассказовъ видно, что пензенскія дамы простирали и особые свои виды на нестарого еще вдовца. «У Евреиновой—продолжаетъ Е. М. Багрѣва—была пятнадцатилѣтняя дочка, очень хорошенькая, которая прилагала всѣ соблазны своихъ свѣжихъ прелестей и всю ловкость очень довременнаго ума, чтобы вовлечь батюшку въ свои оковы. Не съ бѣдшимъ, однако, успѣхомъ пытались на то же самое, прежде и послѣ, еще разныя другія. Кончалось обыкновенно тѣмъ, что, вмѣсто ласкательствъ, которыми сперва во мнѣ заискивали, всѣ эти соперницы клялись мнѣ въ душѣ вѣчною враждою, въ увѣренности, что я одна служу препоною ихъ планамъ».

Частная переписка Сперанскаго за пензенскій періодъ представляетъ многосторонній интересъ. Между прочимъ, Сперанскій вошелъ въ оживленныя сношенія съ княземъ Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ, по вопросу объ изданіи своего перевода сочиненія Өомы Кемпійскаго «О подражаніи Христу» и по дѣлу библейскихъ обществъ, которымъ въ то время много занималось наше правительство. Въ бумагахъ А. Ө. Бычкова имѣются копія, какъ съ нѣсколькихъ писемъ князя Голицына къ Сперанскому (подлинники которыхъ хранятся въ Императорской Публичной Библиотекѣ), такъ и съ черновыхъ отпусковъ нѣкоторыхъ писемъ Сперанскаго къ князю⁴⁾.—Помѣщаемъ здѣсь эти письма.

⁴⁾ Небольшія выписки изъ нѣкоторыхъ писемъ Сперанскаго къ кн. Голицыну касательно изданія книги „О подражаніи Христу“ были напечатаны барономъ М. А. Корфомъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1867 г., № 3.

1.

Князь А. Н. Голицынъ—Сперанскому.

11-го декабря 1816.

Милостивый государь мой Михайла Михайловичъ.

Извините меня, что я такъ долго замедлилъ моимъ отвѣтомъ на два ваши письма; причиною тому, что я хотѣлъ кончить ваши порученія и потомъ васъ увѣдомить о волѣ государя императора.

Его величество повелѣтъ мнѣ соизволилъ сообщить Сергѣю Козьмичу ¹⁾, чтобъ вынуть изъ бумагъ вашихъ перьвыя части перевода книги О подражаніи Іисусу Христу. Государь очень охотно беретъ на себя издержки по сему изданію; но прошу меня увѣдомить, кому вы поручите печатать и въ какой форматъ. Прибыль отъ распродажи сей книги вы обрекаете на дѣла благотворенія; то я не оставлю тогда, какъ напечатана будетъ книга, предложить благотворительному совѣту, а ваше превосходительство позвольте заранѣе поблагодарить за таковое назначеніе плода отъ трудовъ вашихъ въ пользу бѣдныхъ, въ лицѣ главнаго попечителя здѣшняго Человѣколюбиваго Общества.

Я читалъ доставленную мнѣ четвертую часть перевода вашего и сужу по оной, что, конечно, и три первыя таковы же, то и желаю крайне, чтобъ скорѣе оной переводъ вышелъ въ свѣтъ; ибо до сихъ поръ переводы сей изящной книги не совсѣмъ были удачны, тогда какъ она переведена столь хорошо на многіе языки.

Письмо ваше о господинѣ Цейерѣ ²⁾ я вручилъ государю, и его величество указать соизволилъ, чтобъ я князю Лопухину сказалъ волю его о принятіи г. Цейера въ Коммиссію законовъ ³⁾ съ чиномъ и жалованьемъ соотвѣственнымъ, что мною уже и исполнено, и я надѣюсь, что князь Петръ Васильевичъ не замедлитъ исполненіемъ, что очень нужно г. Цейеру по разстроеннымъ его обстоятельствамъ.

Примите при семъ увѣреніе истиннаго моего почтенія и преданности, съ коими честь имѣю быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга князь Александръ Голицынъ.

P. S. Я испросилъ позволеніе государя вынуть изъ бумагъ вашихъ (такъ какъ мы должны будемъ искать книгу Подражанія) «О трехъ состояніяхъ челоѣка», принадлежащія Захару Яковлевичу Каряѣву;

¹⁾ Вязмитинову, министру полиціи.

²⁾ Францъ Ивановичъ, служившемъ при Сперанскомъ и съ марта 1812 г. находившемся не у дѣлъ.

³⁾ Предсѣдателемъ которой былъ князь П. В. Лопухинъ.

онъ меня просилъ при случаѣ доложить его величеству, что онъ вамъ давалъ для прочтенія только и которыя мнѣ онъ подарилъ.

2.

Сперанскій—ниязю А. Н Голицыну.

9-го генваря 1817 г.

Письмо вашего сіятельства принесло мнѣ великое утѣшеніе. При-знаюсь, мнѣ горестно было считать себя отъ васъ отчужденнымъ, но я не терялъ ни довѣрія, ни надежды. Ваше сіятельство оправдали и то, и другое вниманіемъ вашимъ къ двумъ моимъ просьбамъ.

Не въ качествѣ переводчика, но въ точной увѣренности въ истинной пользѣ книги «О подражаніи», весьма обрадованъ я былъ, что сіе малое приношеніе, какъ лепта вдовицы, принято благосклонно. Г. Цейеръ донесетъ вашему сіятельству, гдѣ и чрезъ кого желалъ бы я ее напечатать; я съ нимъ говорилъ о семъ подробно.

Бывъ столь много вами ободренъ, я поступлю далѣе. Въ Перми и потомъ въ деревнѣ составилъ я «Избранныя мѣста» изъ твореній Таулера ¹⁾. Сочинитель сей, безъ сомнѣнія, вамъ извѣстенъ; множество отрывковъ изъ него въ разныхъ мѣстахъ у насъ напечатано; но нигдѣ нѣтъ въ цѣлости; можетъ быть, отъ того, что онъ, по высотѣ его понятій, часто паритъ подъ облаками и скрывается почти изъ виду. «Избранныя мѣста» всѣ вразумительны. Они составляютъ книгу немного менѣе «Подражанія».

Отъ сей работы родилась у меня другая мысль: вмѣсто того, чтобъ намъ заимствовать полезное чтеніе изъ кладовей постороннихъ, для чего бы не попытаться черпать изъ собственныхъ своихъ источниковъ? Я разумѣю отцевъ нашея Церкви. Слѣдуя сей мысли, я рѣшился въ деревенскомъ уединеніи пройти всѣ ихъ творенія по порядку, начиная съ перваго вѣка, выписывая и замѣчая то, что казалось мнѣ наиболѣе свойственнымъ нашему вѣку и потребностямъ нашего времени, и имѣя всегда въ виду одну главную мысль, внутреннюю жизнь во Христѣ. Я не дошелъ еще и до середины, и имѣлъ уже кипы записокъ, но ничего совершеннаго и довольно выработаннаго, чтобъ представить публичному чтенію, и, когда Богъ приведетъ меня сіе окончить, не знаю. Увѣренъ однакоже, что работа сія была бы одна изъ полезнѣйшихъ. Одна только выписка подъ названіемъ «Избранныя мѣста изъ бесѣдъ св. Макарія Великаго» кажется мнѣ довольно оконченною. Я

¹⁾ Иоганна Таулера, одного изъ извѣстнѣйшихъ мистиковъ XIV вѣка.

составилъ ее изъ перевода покойнаго преосвященнаго Моисея ¹⁾, и жалѣлъ, что не имѣлъ при себѣ подлинника.

Если которая-либо изъ сихъ двухъ рукописей привлечетъ на себя вниманіе вашего сѣятельства, Цейеръ по первому вашему слову можетъ взять ихъ изъ новгородской моей деревни и вамъ представить. Надобно только, чтобъ онъ потрудился ихъ перебѣлнить: ибо скорописная моя рука весьма нечетка. Еще одно слово о бесѣдахъ св. Макарія. Онѣ столь изящны, что, читая и приводя ихъ въ новую и удобнѣйшую форму, я часто удивлялся, какимъ образомъ мы (или, по крайней мѣрѣ, я) ищемъ и не безъ труда и не всегда во всей чистотѣ находимъ въ новѣйшихъ писателяхъ такой истины, которая въ твореніяхъ отцевъ нашей Церкви представлена несравненно яснѣе, поразительнѣе и, что еще болѣе, безопаснѣе. Переводъ преосвященнаго Моисея, а слѣдовательно и мои выписки (ибо я удержался его словъ) не весьма изящны въ слогѣ и выраженіяхъ: онъ былъ очень молодъ, когда переводилъ сію книгу, а я не имѣлъ при себѣ подлинника. Отецъ Филаретъ ²⁾, или кто-либо подъ надзоромъ его, могъ бы составить нѣчто несравненно лучшее обомъ насъ, если бы угодно было вамъ сіе поощрить.

Не бесѣдовавъ съ вами столь долгое время, я употребляю, можетъ быть, во зло и время, и терпѣніе ваше. Но не могу не упомянуть здѣсь о рукописи З. Я. Корнеева «О трехъ состояніяхъ человѣка». Ея нѣтъ въ моихъ бумагахъ; бывъ переплетена въ книгу, она пролежала покойно вмѣстѣ съ книгами и вмѣстѣ же съ ними впослѣдствіи перевезена ко мнѣ въ Великополье, гдѣ Захаръ Яковлевичъ, на пути въ Харьковъ, посѣтивъ меня, ее видѣлъ и мнѣ окончательно подарилъ. Но я съ удовольствіемъ передаю ее вашему сѣятельству. Цейеръ можетъ ее оттуда достать по первому вашему желанію.

Не предупреждая вашего о сей книгѣ мнѣнія, позволите ли вы мнѣ по искренности, которую вездѣ, наипаче же въ сихъ предметахъ, наблюдать должно, сказать мои мысли? Рукопись сія содержитъ въ себѣ сокращеніе системы Бема, подобное тому, какое есть въ книгѣ «Пастырское посланіе». Я говорю только подобное: ибо въ нихъ много есть и различнаго. Слѣдовательно и сужденіе о ней много зависитъ отъ того мнѣнія, какое о корнѣ ихъ, самой системѣ Бема, имѣть должно.

Два главныя положенія составляютъ сію систему. Въ одномъ

¹⁾ Епископа ееодосійскаго и маріупольскаго Моисея (Гумилевскаго, † 1792). Его переводъ бесѣдъ св. Макарія Великаго былъ изданъ въ 1782 г.

²⁾ Архимандритъ Филаретъ (Дроздовъ), впослѣдствіи знаменитый святи-тель московскій, былъ въ то время ректоромъ С.-Петербургской духовной академіи.

утверждается и объясняется великая истина внутреннего образованія и дѣйствія Христова въ челоѣкъ. Сія истина доказывается весьма твердо и разительно. На семь основаны лучшіе трактаты Бема, и между прочими тѣ самыя, которые переведены и на нашъ языкъ. Другое положеніе сей системы содержитъ въ себѣ изъясненіе свойствъ и рожденія первобытнаго духовнаго міра, отпаденія злаго духа, смятенія первобытной природы, отѣлесенія ея, хаосъ и потомъ возобновленіе и восстановленіе изъ его обломковъ міра настоящаго. Словомъ, все, что есть въ Бемѣ полезнаго, заключается въ книгѣ «Путь ко Христу». Сей родъ изъясненій, гдѣ сильное воображеніе сочинителя, не руководимое Священнымъ Писаніемъ, оставлено было собственному его паренію, представляетъ связь гаданій и предположеній, болѣе или менѣе вѣроятныхъ, но болѣею частію отважныхъ и ничѣмъ не утверждаемыхъ. Послѣдователи его, чтобъ дать симъ гаданіямъ какое-нибудь основаніе, старались доказать, что Бемъ имѣлъ истинное вдохновеніе, то есть смѣлыя его догадки оправдывали еще другими догадками, еще болѣе отважными.

По сему двоякому виду сей системы, сколько, съ одной стороны, можетъ быть полезно распространять чтеніе тѣхъ его трактатовъ, въ коихъ содержится первый родъ истины, столько можетъ быть вредно вводить въ употребленіе второй родъ пытливыхъ и высокопарныхъ его соображеній. Они напыщаютъ умъ, питаютъ гордость, приучаютъ разумъ къ пытливости и людямъ, едва еще понимающимъ первые начатки духовной жизни, даютъ ложную увѣренность и самомнѣніе. Увлекая разумъ въ блистательныя еоріи, они застѣняютъ прозрѣніе его въ пути живые и единые истинныя. Ничто, можетъ быть, столько не способствовало къ утвержденію ложнаго мистицизма въ нашемъ вѣкѣ, какъ чтеніе Бема.

Да позволено будетъ мнѣ, долго блуждавшему на сихъ распутіяхъ пытливыхъ тонкостей, сказать, что одна глава изъ книги «Подражаніе», или еще лучше одна статья изъ Ефрема Сирина, изъ Іоанна Лѣствичника, изъ Макарія, изъ книги о добротолубіи и даже изъ Іоанна Аридта, или же одинъ листочекъ изъ тѣхъ мелкихъ разсужденій, кои издаются въ Англіи отъ извѣстныхъ обществъ и коихъ и у насъ уже переведено (но, къ сожалѣнію, въ провинціяхъ почти неизвѣстно) довольно количество,—стоитъ несравненно болѣе, нежели всѣ томы Бемовыхъ умозрѣній.

Впрочемъ, что значить, вообще, чтеніе, когда апостоль Петръ о чтеніи самыхъ истинныхъ пророческихъ книгъ говоритъ ¹⁾.

Сего-то возсіянія денницы должно искать; но его должно искать и

¹⁾ Далѣе должна была слѣдовать выписка изъ посланія апостола Петра.

къ нему идти живыми путями, а не чтеніемъ, хотя и чтеніе имѣетъ свою пользу, ибо въ недостатѣ солнечнаго свѣта лучше, конечно, имѣть свѣтъ лампы, нежели быть совсѣмъ во мракѣ.

Сего-то возсіянія внутренняго неизглаголаннаго свѣта желая отъ всего сердца себѣ, и вамъ, и всѣмъ тѣмъ, кои исповѣдуютъ Христа, во плоти пришедша, и кои по сему отъ Бога суть и суть братія, сколько бы мірскія положенія ихъ ни раздѣляли, со всѣми чувствами христіанской любви и истиннаго уваженія къ благотворнымъ намѣреніямъ вашимъ пребуду и проч.

3.

Князь А. Н. Голицынъ—Сперанскому.

С.-Петербургъ, 2-го марта 1817 г.

Милостивый государь мой Михайла Михайловичь.

Переводъ вашъ «Подражанія Іисусу Христу» отданъ господину Цейеру, и когда отъ него получу счетъ издержкамъ типографскимъ, то дамъ дальнѣйшій ходъ по желанію вашему. Не успѣлъ я сказать г-ну Цейеру, что вы пишете о выпискахъ изъ св. Макарія, какъ онъ готовъ уже былъ ѣхать въ новгородскую вашу деревню за оными, послѣ чего онъ и занялся уже перепискою на-бѣло, и какъ получу, то отдамъ отцу Филарету, хотя напередъ увѣрентъ, что вы желаете изъ скромности, чтобъ слогъ былъ пересмотрѣнъ, а вѣрно съ пользою могутъ быть сіи выписки напечатаны въ томъ видѣ, какъ онѣ теперь.

Истинно странно, что наши духовные мало занимаютъ переводами древнихъ отцовъ; публику нужно съ ними ознакомить, и тогда бы увидѣли, что то, что находятъ новымъ въ новѣйшихъ авторахъ мистическихъ, есть очень древнее ученіе, отъ Христа и апостоловъ Его дошедшее до первыхъ временъ Церкви, но потомъ потерявшееся въ большей части наружныхъ христіанъ, но сохранившееся въ скудныхъ обителяхъ и въ нѣкоторыхъ душахъ. Нынѣ, благодаря Господа, кажется, понятіе о внутренней жизни во Христѣ Іисусѣ становится знакомѣе въ городахъ и столицахъ; надобно молиться, чтобъ сіи понятія наиболѣе распространялись для разнасажденія царства Христова и спасенія душъ. Конечно, къ сему послужить и дѣйствіе библейскихъ обществъ чрезъ чтеніе Священнаго Писанія и переводы, взятые изъ столь хорошихъ источниковъ, каковыми вы занимаетесь. Я увѣрентъ, что г-нъ Цейеръ имѣетъ довольно времени, чтобъ привести въ порядокъ все оное, ибо вы не имѣете способа теперь по управленію губерніи обработать всѣ собранные матеріалы.

*

Въ разсужденіи рукописи З. Я. Корнѣева «О трехъ состояніяхъ» я вамъ скажу, что онъ мнѣ ее подарилъ, считая ее въ бумагахъ вашихъ, и въ такомъ только случаѣ, ежели бы мнѣ что поручено было вынуть изъ оныхъ; но потомъ, проѣзжая чрезъ вашу деревню, узнавъ, что она къ вамъ доставлена, подарилъ вамъ. По сему причинамъ она мнѣ не принадлежитъ, и хотя Цейеръ мнѣ ее привезъ, но я по прочтеніи ему возвращаю для доставленія вашему превосходительству. Я нимало не намѣренъ былъ издавать ее въ печать и совершенно согласенъ съ вами насчетъ сего рода сочиненій Бема.

Сужденіе ваше по сему предмету, которое вы извлекли, какъ вы пишете, изъ опыта, и что предпочитаете всѣмъ пытливымъ тонкостямъ авторовъ чтеніе Ефрема Сирина и прочихъ тому подобныхъ писателей, я васъ съ сему поздравляю и истинно радуюсь, ибо къ истинѣ одинъ только путь: Христосъ же; а тѣ распутія, о которыхъ вы говорите, что долго на нихъ блуждали, вы познали, конечно, что они никуда не доводить, а только измучать до усталости и иссушать сердце. Слава единому Господу, Который столь милосердно съ сихъ распутий и нечувствительно насъ направляетъ къ Себѣ, путю живому, чтобъ дать Себя вкусить, сколь Онъ благъ. И въ такомъ случаѣ остается прибѣгать къ Нему же въ молитвѣ, чтобъ Онъ сохранилъ насъ вѣрными Ему; чего вамъ и себѣ желаю, такъ, какъ и всѣмъ, ищущимъ истины, пребывая съ ними чувствами вашего превосходительства покорнѣйшій слуга князь Александръ Голицынъ.

4.

Сперанскій—князю А. Н. Голицыну.

20-го марта 1817 г.

Отъ искренняго сердца приношу вашему сіятельству поздравленіе мое съ свѣтлымъ праздникомъ Воскресенія Христова. Да воскреснетъ Онъ въ душахъ нашихъ и силою всеобъемлющей любви Его да соединитъ расточенное и да соберетъ всѣхъ вѣрующихъ во едино тѣло Церкви Своея, сожививъ его Себѣ словомъ Своея истины.

Библейское дѣло растетъ здѣсь хотя по малу, но ежедневно; обильнѣйшей жатвы ожидаю, когда при обзорѣни губерніи вступлю въ непосредственное сношеніе съ здѣшнимъ дворянствомъ, живущимъ большею частію по округамъ и рѣдко посѣщающимъ губернской городъ. Въ путешествіе сіе, впрочемъ и по службѣ необходимое, пушаюсь я по слити водъ въ майѣ мѣсяцѣ.

Ваше сіятельство не удивитесь одной странной просьбѣ, которую

по случаю сему вамъ принесу. Въ 40 верстахъ отъ границы Пензенской губерніи отстоятъ пресловутая Саровская пустынь. Мнѣ давно хотѣлось посѣтить ее. Много разсказываютъ примѣчательнаго о образѣ ихъ (т. е. тамошнихъ монаховъ) жизни и даже о силѣ внутренняго христіанства, въ уединеніи ихъ хранящагося. Извѣстно, что когда Церковь отъ живыхъ своихъ внутреннихъ путей начала уклоняться ко вѣшнему, тогда многіе святые (такъ во времена апостольскія назывались и таковы были всѣ христіане) удалились въ пустыни. Тамъ апокалипсическая оная жена, истинная Христова Церковь, препитана была до времени. Отсюда возникли разныя духовныя установленія, и между прочими и монастыри, кои впослѣдствіи въ овою очередь также уклонились ко вѣшнему и, подчинивъ себя писемъ закона, утратили животворящій его духъ. Но смоковница сія не вовсе еще изсохла. Я видалъ примѣры, гдѣ она была еще въ полномъ своемъ цвѣтѣ; можетъ быть, тоже найду и въ Саровской пустынѣ и сообщу вамъ мое удовольствіе. Просить на сію трехдневную изъ губерніи отлучку формальнаго дозволенія по министерству показалось бы странно (почтутъ сіе пустосвятствомъ); а потому и осмѣливаюсь просить ваше сіятельство исходатайствовать мнѣ частно на сіе высочайшее дозволеніе и объявить мнѣ оно чрезъ посредство ваше.

Примите свидѣтельство совершеннѣйшаго почитанія и душевной преданности.

5.

Князь А. Н. Голицынъ—Сперанскому.

С.-Петербургъ, 10-го апрѣля 1817 года.

Милостивый государь мой Михайла Михайловичъ. Принося мою благодарность за привѣтствіе ваше съ свѣтлымъ праздникомъ Воскресенія Христова, взаимно васъ съ онымъ поздравляю. Да услышитъ Воскресшій желанія ваши, которыя раздѣляю отъ всего сердца. На сей почтѣ получите мои официальные отношенія по библейскимъ дѣламъ; я увѣренъ, что при обзорѣни губерніи, съ помощію Божіею, вы доставите какъ способы, такъ и содѣйствователей библейскому отдѣленію въ Пензѣ.

Я довелъ до свѣдѣнія государя о желаніи вашемъ посѣтить Саровскую пустынь, и его величество поручилъ мнѣ сообщить вашему превосходительству, что онъ на то соизволяетъ. Какъ-то вы найдете сію пустынь? Нынѣ не много монастырей истиннаго пути; у насъ въ сосѣдствѣ, въ Финляндіи, есть примѣчательная Коневская пустынь по духу, въ ней сохраняемому и по примѣрной жизни нѣкоторыхъ иноковъ.

Мы, кажется, живемъ въ такія времена, впрочемъ, что надобно спасаться не въ пустыняхъ, а искать пустыни посреди міра, и сіе уединеніе хотя трудно, но спасительно.

Примите при семъ увѣреніе истиннаго почтенія и преданности, съ коими честь имѣю быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга князь Александръ Голицынъ.

Сообщилъ И. А. Бычковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

